

ГЕННАДИЙ АЛЁХИН

ВЕРНУТЬ ПОГИБШИМ ИМЕНА

Мы разговаривали с ним по телефону в феврале 2019 года. Владимир Владимирович чувствовал себя неважно: перенёс инсульт. Замедленная речь, впрочем, не мешала ему вспоминать события 25-летней давности детально и основательно. Кто бы мог подумать, что это будет наш последний разговор? Через месяц его не стало.

Ушёл из жизни легендарный Щербаков – начальник известной всему миру 124-й Центральной лаборатории медико-криминалистических исследований тел погибших военнослужащих. Через него прошли тысячи неопознанных солдат и офицеров двух чеченских войн. И большинству из них он вернул имена! Именно благодаря Владимиру Щербакову и его подчинённым удалось опознать почти 100% военных и гражданских, предать их прах земле.

Полковник медицинской службы в отставке В. Щербаков много лет прослужил на Тихоокеанском флоте: два года – на миноносцах, затем – экспертом-криминалистом. В 1992 году перевёлся в Ростов-на-Дону, на свою малую родину. К тому времени он уже имел хороший практический опыт.

Лабораторию возглавил в начале первой чеченской кампании. Была поставлена задача – идентифицировать останки неопознанных трупов военнослужащих. Кто-то погиб при кровавом штурме Грозного, а кто-то сгорел в танке, подорвался на mine или фугасе или разбился на земле после попадания в вертолёт ракеты. А других доставляли из обнаруженных в Чечне мест массового захоронения, в основном, гражданских жителей.

Судмедэксперты начинали всю работу практически с нуля, на коленке. Но у них было огромное желание выполнить святую обязанность: вернуть имена погибшим, чтобы помочь солдатским матерям и родственникам. В те первые месяцы войны (да и потом!) небольшое здание 124-й лаборатории буквально осаждали толпы людей. Тут уж хочешь не хочешь, а приходилось делать то, что нужно, порой “через не могу”. Причём без права на ошибку. Иначе как ты потом будешь смотреть в глаза убитым горем матерям, отцам, сёстрам и братьям?

Давила на плечи сотрудников лаборатории и политическая составляющая. Тут уж постарались средства массовой информации, которые регулярно подбрасывали поленья в огонь. Какие только страшилки не сходили со страниц газет и экранов телевидения! И о многочисленных “эшелонах смерти”, стоящих в железнодорожных тупиках, и о рефрижераторах с останками погибших, которые никто не собираются разгружать для идентификации.

Щербаков работал днём и ночью, часто без сна и отдыха. Разрабатывал новые методы идентификации. Среди них, к примеру, дерматоглифика признаков кровного родства по отпечаткам пальцев. На основе этого метода была разработана компьютерная программа.

Щербаков пытался создать общую “антимортальную” базу данных военнослужащих именно для опознания. Однако по тем временам это сделать не удалось. Тогда ещё не было соответствующей законодательной базы. Внесённый в Госдуму проект закона идентификации и регистрации дошёл только до первого чтения. Затем его завернули. “Слуги народа” ограничились законом о дактилоскопической регистрации, с подтекстом: потом напишем ещё один закон – о геномной регистрации. И в этом правовом поле решили действовать.

Так вот и “действовали” многие годы. В итоге геномную регистрацию одобрили и приняли закон. Но он затрагивал только осуждённых за тяжкие преступления. А в военкоматах по-прежнему проводили лишь дактилоскопию пальцев рук.

Надо отдать должное В. Щербакову – он упорно добивался своего. Сама жизнь и практическая работа в лаборатории подсказывали другие подходы к решению этой тонкой, наисложнейшей проблемы. Начальника 124-й всё время подгоняли и требовали скорейшего результата.

Думаю, что чиновникам высокого уровня просто надоело само звучание этой темы в средствах массовой информации. Щербаков же настаивал на своём. Настойчиво предлагал подсказанную опытом и практикой модель работы в этом направлении: да, надо захоронить неопознанных солдат, но при обязательном условии, что с каждого погибшего будет взята необходимая информация. Только потом их можно предать земле, а судмедэксперты продолжат свою работу, с применением разных технологий для последующего установления личности.

К сожалению, мнение сторонников лишь визуального опознания возобладало. “А что вы с ними возитесь? Зачем? Есть же акт опознания”, – просто читалось в глазах некоторых чиновников, в том числе из Министерства обороны. Но как быть, если произошла ошибка? А они случались!

Щербаков рассказывал об одном довольно типичном случае. В Центр обработки и отправки погибших, находившийся в Ростове-на-Дону, поступило тело погибшего в Чечне Сергея Клочкова. О том, что это был именно рядовой Клочков, свидетельствовали акт опознания сослуживцами и военный билет. Но у экспертов лаборатории по ряду причин возникли сомнения. И они не развеялись, когда старший лейтенант Р. Азадьянц, хорошо знавший Клочкова, подтвердил первоначальные сведения. Следуя положениям приказа министра обороны РФ № 500, можно было поступить просто – отправить тело солдата для захоронения.

Но Щербаков решил провести повторное опознание. Проведённые лабораторные исследования достоверно установили, что на самом деле тело принадлежало рядовому Алексею Кокутину, а под его именем ошибочно проходил Клочков.

Чудовищная ошибка! Ещё бы! А ведь таких ошибок в первую чеченскую войну было допущено семь! Пришлось проводить эксгумацию. Хорошо, что эксперты заранее зафиксировали на видео и взяли идентификационную информацию. Таким образом, были предотвращены ошибки. Можно себе представить, что бы случилось, когда тела погибших, якобы опознанные в воинских частях, отправляются к местам захоронений, минуя 124-ю лабораторию! Страшно, когда трагедия сменяется зыбкой надеждой, а потом переходит в бесконечное ожидание, а потом – в тягостное, когда родителям вернут хотя бы тело погибшего сына.

Владимир Владимирович предлагал использовать хорватский опыт. По окончании войны на национальном кладбище Загреба построили мемориал. Он представлял собой пантеон. Но это только видимая часть. А под ним – бункер, где в контейнерах сохраняются тела. С ними можно работать, проводить исследования при получении новой информации. С одной стороны, хорваты всех погибших разместили на кладбище, с другой – ни одного не бросили и не закопали неопознанным. Как только идентификация будет закончена, можно и хоронить. Вот это наглядный пример того, как нужно обращаться с погибшими.

Кстати, о вышеупомянутом приказе министра обороны РФ № 500, в котором за основу был взят визуальный метод опознания. В то время в оборонном ведомстве, точнее, в Главном военном медицинском управлении преобладали противники генетики. Щербаков не раз писал докладные записки, объяснял, доказывал, спорил. Думаю, что вряд ли его выводы и обращения

доходили до министра. Чиновники встали в позицию глухой защиты и отгородились высоким забором непонимания. Полковника, пожалуй, лучшего эксперта в этой области, даже не пригласили на заседание Комитета обороны Госдумы, где рассматривался этот вопрос!

Знаете, в армии есть поговорка: “Дадут приказ – начнём рассказ”. В какой-то момент руководитель 124-й лаборатории решил высказаться публично – через прессу. Другого выхода у него не оставалось! Уж слишком значимым и волнующим был вопрос, затрагивавший судьбы многих людей. Как живых, так и мёртвых. Получил он за это два строгих выговора и представление о неполном служебном соответствии.

А вот фрагмент беседы Щербакова с журналисткой газеты “Известия” Е. Строителевой:

“Работы по розыску без вести пропавших, эксгумации наших солдат, погибших в первую чеченскую войну, практически заморожены (в Чечне захоронены около 250 неопознанных тел, и это только те, о которых известно). Хотя эксгумация и идентификация погибших в ходе военных действий – это средство умиротворения. Если беженцу дать “гуманитарку”, то он сегодня её съест, а завтра о ней забудет. А если помочь ему найти и похоронить своего Ваху, этого он никогда не забудет, и одним условием для наступления мирной жизни станет больше. Но ведь сейчас никто не ищет ни Ваху, ни Ивана! Спроси любого генерала: “Ты против того, чтобы мать получила тело своего погибшего сына?” Ни один не скажет, что против! Но генерал генералу – рознь. Один воюет, а другой сидит в уютном кресле. Отсюда и предложения Минобороны о превращении специализированной 124-й лаборатории в Межрегиональный центр судебных экспертиз Северо-Кавказского военного округа. Но ведь войну в Чечне ведёт не округ, а значит, округ не сможет обеспечить системное решение проблемы. Пойдут сбои в работе, упрощенчество, как следствие – ложные захоронения, социальная напряжённость.

Этот приказ будет иметь негативные социальные последствия. Не раз говорил об этом и сейчас повторяю. В аналитических записках, которые я направлял в Москву, был и список из 101 военнослужащего, которых могли бы в результате планируемой реорганизации похоронить по ошибке под другими фамилиями!

– Разве сама идея о необходимости идентификации тел погибших не даёт гарантии, что все погибшие будут опознаны?

– Нужна система, которая бы работала на эту идею. А эта система складывается из нескольких составляющих: духовность, политика, законодательство и организационная структура. И последнее, но не по значению, – профессионалы, специалисты (как инструмент решения задачи). Жаль, что планка духовности страны далека от уровня твёрдого принципа: “Мы не допустим, чтобы наш гражданин потерял имя после смерти”. Есть, например, законопроект медико-криминалистической регистрации и идентификации в Вооружённых Силах РФ, который предусматривает создание национальной службы идентификации, как это принято в армиях цивилизованных стран. Но у нас решили: не надо никакого закона, можно ограничиться опознанием погибших, то есть достаточно показаний свидетелей о том, что, к примеру, этот человек – Иванов. И при этом никого не волнует, что в первую чеченскую войну в результате таких “опознаний” было 7% ошибок, во вторую – около 5%”.

Вскоре полковник Щербаков уволился в запас. Официальная версия – по достижению предельного возраста пребывания на военной службе. Но парадокс этой детективной истории в другом: через несколько лет этот пресловутый приказ № 500 отменили. Преобразованный Центр судебно-медицинских экспертиз СКВО (ныне – Южный военный округ) продолжил свою работу. Эксперты трудятся над следами черепов и ДНК-профилями неопознанных солдат и офицеров.

Миссия остаётся прежней – вернуть погибшим имена. Цель, которой посвятил Владимир Владимирович Щербаков всю свою жизнь. Кстати, перед ним даже не извинились!

На подмосковном Ново-Богородском кладбище в местах захоронения уже установлены личности 136 военнослужащих. По желанию родственников многие из них захоронены по месту их жительства.

Работа продолжается. А значит, жива и память о настоящем профессионале, достойном офицере, герое нашего времени – Владимире Щербакове.